

— Я вернулся в Ленинград. Теперь мы - Славка Борисов, Славка Сазанов, Мишка Давыдов, Володька Кошелевский и я поселились в 150-й комнате. В той самой комнате на шестом этаже, с балконом, на углу проспекта Добролюбова и Зоологического переулка, в которой я жил летом 1960 года, будучи ещё абитуриентом. Вскоре приехала из дому и Сашенька, мы с радостью бросились в объятия друг к другу в тёмном предбаннике нашей комнаты. Мы теперь почти не расставались, а Славка Борисов ходил за нами подглядывать, когда мы обнимались у Петропавловки.

— В этом, 1963-м году окончила 11 классов моя сестра Люба и поступила тоже на физфак ЛГУ, причём безо всякой моей помощи при подготовке к вступительным экзаменам - я был в экспедиции в это время. Ей дали место в общежитии, только не в первом, а в десятом, рядом с НИФИ. Вместе с ней поступила её школьная подружка Люська Балугева, у них сразу образовалась своя компания в общежитии, где жили большей частью филологини, и я редко встречался с родной сестрой - всех вокруг вытеснила Сашенька.

Вечеринка в 150-й комнате, осень 1963 г. Люба, Зойка, Лариса, Таня Крупенникова, Славка Борисов, Мишка Давыдов, Курт Пойкер, Валерка Долгополов, Сашенька, Димуля.

— Вдруг я заболел и угодил в больницу, случилось это в октябре, сразу почти после моего возвращения из Калининграда. Оказалось - желтуха, болезнь, которая имеет ещё кучу названий: болезнь Боткина или эпидемический, или полевой гепатит, или воспаление печени. Это заразная. болезнь, которая разносится крысами и полевыми мышами и свирепствует в окопных войнах. Как я умудрился её подхватить - неизвестно, разве что в экспедиции: когда я рыбачил в устье Мезы, то насаживал на крючок катыши хлеба, который лежал на земле у моих ног, и которым тут же лакомилась полевая мышь, шмыгая по моим сапогам и восхищая меня своей храбростью. Странно только, что зараза проявилась более чем через месяц, если она вообще была с этим связана.

— Так или иначе, меня отвезли в Боткинские бараки. Это в самом деле одноэтажные деревянные бараки (кажется, где-то в районе Александро-Невской лавры), разделённые изнутри застеклёнными перегородками высотой метра в два на отсеки по 2 - 4 койки. Разговоры и стоны в каком-либо отсеке явственно слышны были в любом другом. Продержали меня в этом заведении месяца полтора.

— Запомнились два впечатления. Первое - это как мы, ходячие больные, держали за руки, за ноги огромного мужика, которому шприцем выводили мочу. Вид у бедняги был страшный: раздутый, красный, он невменяемо бушевал, не давал трогать себя, душераздирающе вопил. Он умер на следующий день после поступления в наш барак. Второе - как мой сосед по отсеку, здоровенный малый - пожарник глушил стаканами одеколон, разбавленный водой. Один вид и запах этой мутно-молочной смеси вызывал у меня отвращение, ему же, судя по всему, нравилось, за что его вскоре и выписали из больницы.

— Сашенька навещала меня чуть ли не каждый день. Носила мне курево, к которому я уже в экспедиции начал привыкать. Тогда в Ленинграде из сигарет свободно продавались одни "Ментоловые", и я к ним пристрастился. Несколько лет потом курил только "Ментоловые", удивляя окружающих. "Чтобы не стряляли", - объяснял я своё предпочтение этому сорту. Отвык от "Ментоловых" уже в Ладушкине, там они не продавались.

— На ноябрьские праздники ко мне в больницу приходили Люба и Валерка Долгополов, который специально приезжал в Ленинград, чтобы повидаться с моей сестрой. Оказалось, он ухаживает за ней. Правда, у него здесь был конкурент - Витька Волосович, брат моего приятеля Тольки, одноклассник Любы, поступивший в Ленинградский педиатрический институт. Кажется, сестра отдавала предпочтение ему, но и с Валеркой встречалась. Они, кстати, принесли мне маленькую, которую я втащил в палату на верёвке через форточку. Не помню, с кем я её распил. Распивали мужики обычно среди ночных горшков в туалетной комнате, не взирая на строжайший запрет спиртного в больнице.

— Забирали меня из больницы Сашенька с моей мамой, которая, конечно, приехала в Ленинград по случаю моей болезни. Сашенька маме сразу понравилась, а потом и полюбила, как родная дочь. Мама всегда ставила Сашеньку в пример моим сёстрам, стояла на её стороне в наших разногласиях (мелких, впрочем, обычно), упрекала меня за недостаточную чуткость к жене. Редкий, по-моему, случай, но и у меня с родителями Сашеньки отношения сложились самые сердечные. Возможно, потому, что мы никогда подолгу не жили своей семьёй вместе с родителями.

— Выписали меня со строгими наставлениями не есть жареного, копчёного, жирного и солёного (всего того, что я любил), не пить (особенно вина и пива) и не курить, конечно. Какое-то время, может, с полгода я диету соблюдал, потом перестал, так как печень меня (до поры до времени) не беспокоила.

— Зато навалилась новая, а точнее, разрослась старая напасть: моё переписывание конспектов развилось в навязчивый невроз. .

— Я выписался из Боткинской больницы то ли в конце ноября, то ли в начале декабря. На носу была сессия, а я фактически не занимался весь семестр из-за задержки в экспедиции, поездки в Калининград и болезни. Само по себе это меня не пугало, так как предыдущий семестр - второе полугодие третьего курса, я почти весь прогулял, но кое-как наверстал в сессию, на что надеялся и теперь.

— Но теперь моя система занятий с конспектированием учебников стала давать странные сбои: я заикливался при переписывании. В своём стремлении к красивому оформлению конспектов я дошёл до совершенства систему подтирок и подчисток написанного с помощью резинок и острого бритвенного лезвия. Однако теперь подчисток требовала каждая кривая буква, не говоря уже об описках и ошибках, а сами подчистки стали казаться заметными, и я вырывал, а вернее - аккуратно вырезал весь лист целиком и

начисто переписывал. При переписывании же меня постигали новые неудачи, и я не мог сдвинуться с проклятой страницы.

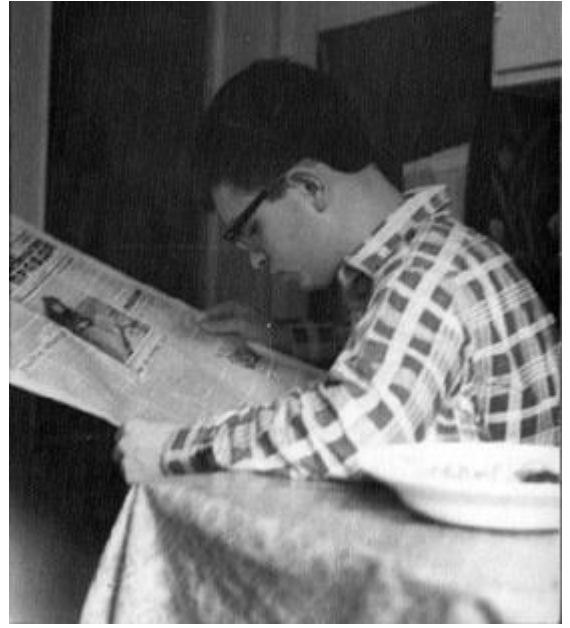
— Конечно, я чувствовал, что со мной творится неладное, сознавал нелепость своих действий и ничего не мог с собой поделать. Я не управлялся своей волей и отчётливо видел это. От Сашеньки я до поры до времени свою беду скрывал, но чувство жути и отчаяния всё чаще овладевало мной, свою подавленность мне было трудно спрятать. Устав от бесплодных попыток преодолеть заколдованное какой-нибудь жалкой помаркой место, я бросался ничком на кровать и то ли засыпал, то ли впадал в забытие.

— Становилось ясно, что надо идти к врачам. Я рассказал обо всём Сашеньке. Она без паники восприняла дурные новости, старалась успокоить меня. В университетской поликлинике штатного психиатра не было, только невропатолог, который прописал мне что-то успокоительное, бром, кажется, и велел придти в день, когда в поликлинике консультировал психоневролог: пожилой седой дядька, профессор, по фамилии Шрайбер или что-то в этом роде. Он констатировал у меня невроз навязчивых состояний и направил в психдиспансер.

— Там я попал к очень ласковой женщине-врачу средних лет, одна только манера разговаривать которой подействовала на меня успокаивающе и ободряюще. В ней ощущалось искреннее сочувствие, сразу возникло чувство доверия к ней и какого-то облегчения. Она внимательно выслушала меня и поставила на учёт и на очередь в психоневрологическую клинику, куда надо было явиться 15-го марта, т.е. где-то через месяц. По её словам клиника, куда меня направляют, - это фактически санаторий, где люди отдыхают, восстанавливают нервные силы. Попасть туда трудно, так как мест мало, а желающих много, поэтому и придётся ждать очереди. Мне же там полечиться надо обязательно, учёбу придется на время оставить - при таком заболевании несомненно предоставят академический отпуск.

— Я на всё был согласен, лишь бы избавиться от своих позорных мучений, и даже с нетерпением стал ждать назначенного для явки в клинику срока.

— Всё это происходило где-то сразу после зимних каникул, на которые я ездил домой. Сессию я впервые не сдал полностью: на какой-то экзамен просто не пошёл, т.к. не подготовился как следует. Дома я признался в своих бедах маме, она успокаивала меня. Тогда же я сообщил ей, что собираюсь жениться на Сашеньке. Мама не отговаривала. Необходимость столь ранней женитьбы я мотивировал исключительно тем, что женатым в общежитии дают отдельные комнаты. Мы с Сашенькой, мол, всё равно всё время вместе проводим, а в своей-то отдельной комнате заниматься же лучше!

На каникулах в Калининграде, февраль 1964 г.

— 1-го февраля я ходил на традиционный вечер встречи выпускников в нашу школу, где теперь (в одиннадцатом классе) училась Света. В школьном концерте она пела в хоре старшеклассников, увидела меня среди зрителей и приветливо улыбнулась. После концерта, как обычно, были танцы. Боря Лукьянец сказал мне, что меня хочет видеть одна девочка. Я догадался кто, но не решался пригласить её. Когда же, наконец, я попытался сделать это, какие-то мальчики загородили Свету, подхватили танцевать, а мне досталось только что-то презрительно гневное в её взгляде.

— Мама рассказывала, что Света приходила к ней и расспрашивала про меня, но подробностей этого разговора на приводила, я же не стал их выпытывать...

— О, Господи, прости меня!

Мои сёстры - Люба и Милочка, февраль 1964 г.

На площади Победы перед возвращением в Ленинград, февраль 1964 г.

[\(продолжение следует\)](#)